

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

СОКРОВИЩЕ
АНТИКВАРА

ОЛМА МЕДИА ГРУПП

Александр Александрович Бушков

Сокровище антиквара

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Антиквар», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290922

Сокровище антиквара: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013

ISBN 978-5-373-03160-8

Аннотация

Не деньги и золото – главное для настоящего антиквара. Жизнь подчинена поиску – открытию тайны, решению загадки, восстановлению справедливости. Этот поиск – как служба разведчика. Антиквар всегда должен быть на шаг впереди – соперника, врага, предателя. Только кажется, что до заветного сокровища полтора десятка метров холодной воды Шантары. Взять золото – дело техники, задача сложнее – не утонуть в мутной воде жизни, интригах и хитросплетениях мафии Шантарска.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Бушков

Сокровище антиквара

Исключительные права публикации книги А. Бушкова «Сокровище антиквара» принадлежат ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А., 2009

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

* * *

*Отобрать у нас клад! Пусть попробует!
Нет уж, клад такое дело: кто его нашел, тот и бери.
Марк Твен «Приключения Тома Сойера».*

Часть первая Шагая в тумане

Глава первая Придурок с необитаемого острова

Если присматриваться философски, происходившее определенно носило некоторые черты семейной идиллии. Чему Смолин не собирался умиляться, он вообще не помнил, чтобы за последние лет сорок чему-то умилялся... Просто констатировал факт.

Инга, по-домашнему одетая в простенький халатик, вкалывала за компьютером вот уже почти час без передышки. Хозяин усадьбы, г-н Смолин, он же Гринберг, помещался тут же, в мансарде, на диване, под внушительным штурвалом с неизвестного судна, и рядом с ним на столике (ну антикварка, конечно, пятидесятые годы) помещался поднос с тарелками, на коих давным-давно остыл натуральнейший домашний ужин, приготовленный Ингой. Она неплохо готовила, да что там, отлично готовила девочка, но Смолин ни к чему не прикоснулся. Сидел, словно тот чукча из анекдота, и думал, как жить дальше. Причем, в отличие от анекдота, все было весьма даже серьезно.

Куруманская эпопея для него завершилась благополучнейшим образом. А как иначе? Он ведь не совершил ничего противозаконного, даже улицу на красный свет не переходил и газеты из чужих почтовых ящиков не крал. Все его свершения были законопослушны до омерзения. Это в отношении него парочкой злоумышленников были предприняты действия, подпадающие под разнообразные статьи Уголовного, а также Гражданского кодексов. Это он оказался классическим *терпилой*, а потому во всех казенных бумагах значился как потерпевший, – мелочь, а приятно, вспоминая прошлые дела и прошлые бумаги, где Смолина именовали совершенно иначе да вдобавок именно к нему приклеивали статью за статьей...

Как легко догадаться, главное сокровище, из-за которого полыхнули кровавые страсти (то есть яйца работы Фаберже), еще до приезда милиции с места действия исчезло, унесенное в квартиру и запрятанное под кровать. Туда же отправились браунинг (все равно менты конфисковали бы, а так, засверлив, его и продать можно в два счета), и полдюжины бриллиантов в старинной аптечной коробочке.

В качестве купеческого клада, из-за которого, понимаете ли, товарищи начальники, и разгорелись все страсти, Смолин оставил на месте все до единой золотые монетки, коих, по милицейской описи, оказалось тридцать две штуки, общим весом двести шестьдесят четыре грамма. *Этот* клад для того, кто ведать не ведал о Последней Пасхе, выглядел весьма даже убедительно (особенно когда Смолин разбросал монеты на чердаке в живописном беспорядке, так что их казалось еще больше). Для тех, кто в жизни ни единой такой монеткой не владел, – сокровище чертовски убедительное. Да и официальная рыночная цена приличная, четверть миллиона рубликов примерно. Нынче и не за такое на преступление идут...

В общем, никаких таких драгоценных яиц, разумеется, не было. Смолин живо описал следовательно во всех подробностях, как он, обходя и исследуя свои новые владения, случайно обнаружил тайничок с золотом – а тут и нагрянули поочередно два родных братца: один, крыса музейная, в каких-то траченных мышами бумагах выкопал упоминание об этом кладе (сам признался), а второй, соответственно, был поначалу взят в долю, но обманут брательником и оттого жестоко расправился с означенным, не питая священного трепета перед кровным родством. Одним словом, Смолин ничего не придумывал и не извращал. Он просто-напросто не сказал *всей* правды, только и делов... Но по реакции следака видел, что того

и эта версия вполне убеждает: убедительно выглядели золотые, разложенные в четыре аккуратных рядочка на газете, на обшарпанном столе в кабинетике курумманской ментовки: российские червонцы и пятерки с постно-благостной рожей незадачливого последнего императора, немецкие марки с кайзером бородатым и кайзером усатым; персидские туманы, на которых красовался Шир-о-хоршид, озаренный солнцем лев с саблей в лапе; разнообразные австро-венгерские денежки и даже один-единственный великобританский соверен с королевой Викторией и поражающим гнусного дракона всадником...

Это выглядело *крайне* убедительно. Особенно для Курумана с его провинциальными ценами и захолустной простотой...

Во всей этой истории Смолин абсолютно ничем не рисковал. Золотишко ему и так должны были вскоре вернуть, все до единой монетки; *старый* закон о кладах давным-давно отменен, теперь единоличным собственником является владелец земли или дома, и сдавать клад государству более не предписывается.

Татарин, ручаться можно, об изделиях Фаберже ни словечком не упомянет. И потому, что по свойственному человеку оптимизму до последнего будет надеяться, что каким-то чудом все же сумеет до сокровищ добраться. И потому, что прекрасно понимает: даже если правдочка о яйцах каким-то чудом всплывет на свет божий, их юридически полноправным владельцем по тому же закону будет опять-таки Смолин В. Я. Ну а если учесть, что старина Татарин действительно жутко *накосячил*, есть обоснованные подозрения, что за решеткой он не заживется, в самом скором времени помрет неведомо почему, если уже не помер...

Единственная заноза во всей этой истории – провинциальный интеллигент, крыса музейная, сиречь Николай Петрович Евтеев, одержимый алчностью кладоискатель... и, следует признать, человек отнюдь не провинциального интеллекта...

Крепок оказался скромный труженик музейного фронта. Кто б мог подумать. А на вид – соплей перешибешь... Короче говоря, когда примчался вызванный звонком Инги милицейский наряд, оказалось, что музейщик не холодным жмуриком лежит, а проявляет слабые признаки жизни. Как выражался кто-то из героев «Трех мушкетеров» – у вашего приятеля душа гвоздями прибита к телу. Ну, «Скорая», конечно, реанимация... В настоящий момент Евтеев в себя еще не пришел, на окружающее не реагировал, но и помирать отказывался категорически, врачи твердили, что есть надежда...

А впрочем... *Колюнчик* тоже не так глуп, чтобы хоть словечком заикаться о яйцах. Наверняка промолчит, буруеваемый той же бешеной надеждой. И будет молчать, пока считает, что у него есть дохленький, но шанс когда-нибудь до сокровища добраться. Вообще-то против него по заявлению Смолина с Ингой возбуждено, ясен пень, уголовное дело, но статьи безусловно не те, что у Татарина, дохленькие статьишки, если рассудить. Ну, имел огнестрельное оружие. Ну, пугал им Смолина. Чуть оклемавшись, будет ныть о «сильном душевном волнении» и прочих состояниях аффекта. Репутация законопослушного гражданина крайне интеллигентной профессии, знакомые и сослуживцы сочувствовать будут скромному научному сотруднику, у которого однажды сорвало башню, ходатайствовать пойдут... В общем, как трезво прикидывал Смолин, у *Колюнчика* есть все шансы отделаться мелким условным сроком, благо он в некотором роде и сам потерпевший по другому делу, жертва родного братца-уркагана, который чуть нашего *Колюнчика* до смерти не зарезал...

При таком раскладе, прикидывал Смолин, в будущем безусловно следует опасаться каких-то *трений*. Но будут они наверняка мелкими: оставшийся в одиночестве Евтеев Смолину, в общем, не опасен. Второго *такого* братца у него не сыщется, а та предивинская шпана шпаной и останется. Нет, не *этим* ему доставлять серьезные хлопоты, и не в Шантарске. Перемелется, точно...

Главное, ни ногой отныне ни в Предивинск, ни в Курумман. Да и нужды нет: домишко законным образом продан-таки крутому риэлтору Ванятке (каковой, и к бабке не ходи, уже

начал шарить по особнячку с ломом наперевес, ковыряя все места, где можно подозревать тайник – вдруг да еще осталось что-то?).

Все вроде бы в ажуре. Евтеев остается *занозой*, но не особенно и страшной. К тому же полной определенности нет, он еще и помереть может запросто, что никак не повергнет Смолина в горькие рыдания. Золотишко отдадут не сегодня-завтра. Татарин точно не жилец. Все вроде бы благополучно утряслось.

Самое смешное, что Смолин, прислушиваясь к себе, временами чувствовал некую смутную тоску и внутреннюю опустошенность. Он словно бы достиг *вершины*. Звездный час остался позади. Любой антиквар согласится, что стать обладателем сразу семи подлинных яиц Фаберже – это вершина, пик карьеры. Непонятно даже, *что* теперь нужно найти, чтобы превзойти это достижение. Куда двигаться дальше по служебной лестнице фельдмаршалу? Да некуда, просто никаких более старших чинов в воинских уставах не предусмотрено. Что бы ни свершил, помрешь, один черт, тем же фельдмаршалом...

Правда, эти душевные терзания были не такими уж и сильными. Смолин не собирался тяготиться всерьез этакой лирикой – особенно теперь, когда перед владельцем яиц Фаберже, пусть даже и чистейшим перед законом, встают серьезнейшие жизненные проблемы, о каких прежде и не думал...

– Ты почему не ешь? – разогнал его невеселые мысли озабоченный голосок Инги.

Так заботливо это прозвучало, что и в самом деле хоть умиляйся. После возвращения из Курумана как-то само собой так получилось, что Инга к нему перебралась с изрядным количеством пожитков, начиная с компьютера и заканчивая дурацкой сиреневой лягушкой из какой-то ворсистой синтетики, размером с доброго пуделя. И началось, выражаясь шершавым языком юриспруденции, совместное ведение хозяйства. Нельзя сказать, чтобы Смолину это не нравилось. Он реагировал, в общем, положительно. Одного побаивался: как бы не нагрянула в гости гражданская теща посмотреть, к кому же ушла ее кровиночка, начавши совершенно взрослую жизнь.

Визита гражданского тестя он как раз не опасался: Инга скуповато делилась семейными секретами, но все же давно удалось узнать, что папаша, субъект не особенно и приглядный, от них давно уже слинял, и слава богу. Зато маменька с высшим гуманитарным образованием как раз наличествовала – и, судя по тем же скупым обмолвкам, о реальном возрасте нынешнего дочкиного сожителя представления не имела. Учитывая, что она вроде бы моложе Смолина, и значительно, можно было, теоретически рассуждая, ожидать коллизий. Педофилию, вот радость-то, в данном конкретном случае ни за что не пришьешь, но неприятные беседы возможны. От гуманитариев женского пола, сформировавшихся как личности при советской власти и не вписавшихся в рыночную экономику, можно справедливо ожидать весьма даже бурной реакции на *этакую* дочкину личную жизнь. Ладно, авось не найдет и не выследит, а стыд не дым, глаза не выест...

– Потом поем, – сказал Смолин, все еще под воздействием тех самых невеселых мыслей.

– Есть надо регулярно, – наставительно сказала Инга. – Желудок посадишь. Тебе не двадцать, в конце-то концов.

Смолин ухмыльнулся про себя. Занудством это никак не отдавало, просто, надо полагать, включился извечный механизм *хозяйки*. Ладно, переживем, не напрягает...

– Сейчас поем, – сказал он. – Правда. Закончила? Дай глянуть.

Инга принесла ему несколько извлеченных из принтера листов, рядом на диван не села, устроилась в кресле, исподтишка косясь с настороженным нетерпением, свойственным всем творческим людям, жаждущим в первую очередь похвалы.

Смолин одолел восемь листочков быстро. Ничего не скажешь, изложено завлекательно и грамотно, в лучших традициях нынешней американизированной журналистики: захва-

тывающая история про то, как один человек (даже не упоминается, что человек этот шантарский, молодец, девочка, все правильно) абсолютно законно, на трудовые сбережения, прикупил в Курумани ма-аленький такой домик, а в домике оказался спрятан клад, старые золотюшки стоимостью в четверть миллиона рублями. И все бы ничего, но про клад прознали два брата-акробата, один расписной по самые уши, другой, наоборот, патентованный интеллигент – и, обуреваемые лютой жадой наживы, предприняли кучу насквозь уголовных деяний, причем под занавес сидевший брат прирезал сроду не сидевшего. Этакий мексиканский сериал на фоне родных провинциальных пихточек, пьющих сантехников и прохуdivшихся крыш. Читателя, даже привыкшего к самым убойным и заковыристым сенсациям, должно все же зацепить, в том числе и в столице, куда Инга собиралась статейку заслать параллельно с публикацией в Шантарске.

– Ну как? – настороженно спросила Инга, глядя в сторону с показным равнодушием.

– Отличная работа, – сказал Смолин. – Серьезно. Можешь романы писать. Нет, правда, все отлично. И читатель визжать будет, и никаких *ненужных* подробностей нет. – Он ухмыльнулся. – Ох, боюсь, в Курумани, да и не только там, настоящая эпидемия вспыхнет, начнет народишко по чердакам с ломом шастать, рыться где только можно... Но это уже не наша печаль... Что ты такая надутая?

– Да ничего подобного...

– Не ври, – сказал Смолин. – Факт имеет место быть... Иди сюда.

После короткого колебания она все же устроилась рядом со Смолиным на обширном диване. Приобняв ее левой рукой, Смолин заглянул девушке в лицо. Она чуть отвернулась с тем же печальным видом.

– Ах во-от оно что... – протянул Смолин, улыбаясь. – Сенсация сия хлипковата и слабовата... Нам бы чего позвонче? Нам бы бабахнуть репортаж о находке *фаберовских* чудес... Правильно я мысли читаю?

Она легонько кивнула.

– Какая ж ты еще маленькая... – сказал Смолин с той предельно допустимой *долюшечкой* нежности, которую мог себе позволить. – Понимаю, хочется до жути. Но нельзя, милая, нельзя. Никак нельзя. Никаких яиц нет. Вообще.

– Но ты же будешь их продавать?

– Через год. Если не через два.

– Почему? – Инга смотрела с неподдельным изумлением. – Это же миллионы долларов...

– Тебя что, алчность гложет? Хочешь много большущих брюликов, «Бентли» и трехэтажный дворец вместо этой хибары?

– Ну не так чтобы жажду... Но ты ж антиквар. Это твой бизнес. А уж такой товар...

Смолин вздохнул искренне и заунывно, словно фамильное привидение какого-нибудь английского замка.

– В том-то и беда, что я антиквар, смею думать, не из хреновых, – сказал он грустно. – И прекрасно разбираюсь в проблеме... – Милая, мы с тобой оказались в положении Бена Гана...

– Кого?

– «Остров сокровищ» читала?

– Не-а, – безмятежно ответила Инга.

Смолин ничего не сказал и никаких особенных эмоций не ощутил. Он просто-напросто, далеко не в первый раз, уже привычно констатировал про себя: «Другое поколение». Другое, и ничего тут не поделаешь...

– Представь себе человека, оказавшегося на необитаемом острове, – сказал он. – Человека, который нашел там клад: золотые монеты бочками, самоцветов целая баклага... а

теперь представь, с какими чувствами и мыслями он над этой ямой сидит. Один-одинешенек на острове, вдали от морских путей, корабли сюда могут зайти по чистой случайности, а самолетов нема, потому что на дворе век этак восемнадцатый. И что ему делать со своим охрененным сокровищем?

– Но сейчас совсем другой случай...

– Да нет, – сказал Смолин. – Именно потому, что я профессионал, прекрасно понимаю, как трудно будет это продать. Персонально мне. У каждого человека есть свои арки и свой профессиональный потолок. Свой уровень. Ага, вот подходящая аналогия... Если твой редактор тебя пошлет в Москву расследовать махинации какого-нибудь *настоящего* олигарха калибра Абрамовича, что из этого получится?

Ненадолго задумавшись, Инга сказала:

– Ничего путного. Девочка из Сибири, на чужом поле... Не моя деланка.

– Со мной в точности так же обстоит, – сказал Смолин. – Калибр, масштаб, деланка... Мне в жизни не приходилось продавать предметы, чья стоимость начинается с миллиона убитых енотов. Черт, даже стотысячных предметов не приходилось толкать... За исключением одного случая, к антиквариату, в общем, отношения не имевшего... Здесь в Шантарске попросту нет людей, способных выложить миллион зеленых за яйцо Фабера. Продавать их можно исключительно в Москве... а нужных для *этого* связей у меня нет. Мелочовку кой-какую удавалось там продавать-покупать, так это ж мелочовка... У меня нет *подходов* к тем, кто может заплатить. А если я начну искать эти подходы через столичных знакомых, включится механизм, прекрасно мне знакомый по нашему славному городу. Нет, я не говорю, что меня моментально пристукнут. Просто-напросто механизм давным-давно отработан, что в столицах, что здесь. Провинциальному валенку невероятно трудно, почти невозможно получить *настоящую* цену за *раритет*, будь он сто раз подлинным. В том-то и беда, что раритет подлинный... У всех, к кому бы я ни обратился, моментально вспыхнет жгучее желание обшопать лоха, кинуть по полной... как и у нас, откровенно говоря, оно бы вспыхнуло, появившись *сторонний* лох, сжимающий в кармане потной ручонкой что-нибудь чертовски ценное. Я не плохой и москвичи, в общем, не монстры. Просто в любом бизнесе есть железные правила игры и неписанные, но совсем уж железобетонные традиции... В лучшем случае мне дадут... мне с таким видом, словно делают величайшее одолжение, дадут этак полмиллиончика баксов за *все*. За все семь. И никак иначе. Они будут вежливо улыбаться, красивыми словами объяснять, что другого выхода у меня попросту нет... и самое поганое, будут правы. У меня нет *прямых* выходов на *таких* покупателей. И не известно, будут ли вообще...

– А «Сотби»? «Кристи»? И что там еще?

– Опять-таки *чужое* игровое поле, – сказал Смолин. – Я не знаю, как там играют, как вообще выходят на подобные ярмарки. И наконец... Ну да, прямой криминал. *Сейчас* я от него не страдаю совершенно. *Серьезным* людям мы, в общем, неинтересны. А вот ежели кто прознает, что у меня в подвале лежит семь доподлинных яиц Фабера... В таких случаях через труп переступают, как через бревно, и вовсе не обязательно люди серьезные, но и прельщенная словом «миллионы долларов» мелкая шпана... Ты ведь своими глазами видела, что произошло меж двумя родными братцами неделю назад... – Смолин взял ее за плечи, повернул лицом к себе и произнес насколько мог убедительнее: – Милая, хорошая, ты ведь умная... Я тебя Христом-богом заклинаю: в жизни никому ни словечка! Это смерть. Натуральная. Где миллионы, там смерть... Сенсации – вещь скоропортящаяся. А потерять можно *все*. Я тебя прошу...

– Да все я понимаю, – сказала Инга грустно. – Не беспокойся, молчу как рыба... Обидно просто: что такой материал пропадает... Ну не смотри на меня так. Молчу.

– Молодец, – сказал Смолин, поглаживая ее по голове. – У тебя этих сенсаций еще будет столько, какие твои годы...

После долгого молчания Инга сказала, словно не вопрос задавала, а размышляла вслух:
– И что же получается? Они так до скончания веков и будут у тебя в подвале прикопаны?

Смолин широко улыбнулся:

– Ну, не надо *так* уж низко меня оценивать... Я похож на человека, который *такой* товар прикопает в подвале навсегда? Правда, похож?

– Не особенно, – вяло улыбнулась Инга.

– Вот то-то, звезда моя, – сказал Смолин, и на лице у него заиграла прежняя, хищно-веселая улыбка. – Я как-никак профессионал... Я буду их продавать. Непременно. Антиквар я, или уже где? Другое дело, что это будет *медленно*. Очень медленно, так, что любая черепаха бегом обгонит... Мне нужно будет, все связи напрягши, все знакомства используя, выстроить беспроектную комбинацию... некие *ходы*... Неспешненько поискать те самые *подходы* и к отечественным тугим кошелькам и, на худой конец, к «Сотби». Это вполне реальная задача, с моим-то опытом... Другое дело, что пойду я шашками, аккуратно, как сапер по минному полю. Задача на год, если не на два. Но учитывая, что я собираюсь жить еще до-олго и счастливо... Я упрямый, я потерплю. – Он притянул девушку к себе. – Ты мне еще будешь помогать тратить эти миллионы, верно тебе говорю... Даже если вздумаешь меня через месячишко бросить, тебе до скончания веков *доля* полагается. Если б ты в спину ему не шарахнула... Он бы, козел, меня пришил, точно.

– Да не собираюсь я тебя бросать! – возмущенно фыркнула Инга, согласно женской логике выхватив из его длинной тирады только одну-единственную житейскую фразочку. – Мне с тобой хорошо, зачем я тебя бросать буду?

– Мало ли, – сказал Смолин. – Красавцы там всякие молодые...

– Ага, – сказала Инга чуть повеселевшим голосом, вглядываясь в него с усмешечкой. – Значит, есть у тебя все же комплексы?

– Нет у меня никаких комплексов, – сказал Смолин. – Просто я реалист. Твердокаменный.

– Да ну тебя! Гонишь ерунду какую-то! Не собираюсь я тебя бросать. Ты...

– Ну-ну? – с любопытством спросил Смолин.

Она, чуть отвернувшись, сказала:

– Ты надежный. С тобой спокойно.

«Ну да, – подумал Смолин без особенных эмоций. – Следовало ожидать. Девочка-безотцовщина, подсознательное стремление спрятаться за крепкое мужское плечо, стремление в квадрате: и как обычная женщина с жадной надежностью, и безотцовщина... Ну и что, собственно говоря? Не думал же ты, что она тебя с первого взгляда полюбила, романтически и нежно? В общем, именно такое положение дел устраивает полностью: житейское дело, вполне хорошая девочка, надежная...»

– Жениться на тебе, что ли? – задумчиво произнес Смолин в пространство.

Инга прямо-таки сверкнула на него глазами:

– Вот только не нужно такими вещами шутить!

– Не буду, – сказал Смолин.

Ну да, конечно, напомнил он себе, для них-то эти темы святы...

Помолчав, он осторожно осведомился:

– А матери ты что сказала?

– Как есть. Что ухажу жить к мужчине.

– Ага, – сказал Смолин. – А сколько мне годочков, не говорила?

Инга чуть смущенно опустила глаза:

– Ну, я сказала... Он чуточку старше...

– Ага, – повторил Смолин. – И тебе, конечно, была прочитана лекция с призывами к осмотрительности...

– Конечно. Это мои проблемы. Ты ведь не будешь меня в ближайшее время выгонять?

– У меня таких мыслей вообще нет, – сказал Смолин. – Ты чудо, ты прелесть и все такое прочее... а главное, боевая подружка из тебя, как доказал жизненный опыт, получается отличная, а это много значит, потому что...

Он сбился с фразы, поднял голову. Рядом со штурвалом замигала красная круглая лампочка – нехитрая сигнализация, установленная вскоре после возвращения из Курумана. Нужно же и дома технический прогресс внедрять...

– Извини, – сказал Смолин, вставая. – Гости нагрянули, мажордом вещует...

В мансарде не было окна, выходившего на улицу, и пришлось спуститься на первый этаж. Глыба ждал его у подножия лестницы, сказал довольно равнодушно:

– Там какой-то упакованный фраер на крутой тачке. На мента похож, как я на балерину...

– *Побачим*, – сказал Смолин сквозь зубы. – Что ему?

– Василия Яковлевича спрашивает. Самым вежливейшим образом, интеллигентно, я б сказал...

– *Побачим*, – повторил Смолин.

Влезши босыми ногами в уличные тапки, он направился наружу, приличия ради застегнув рубашку на все почти пуговицы. Отработанным движением поймал атаковавшую его Катьку, запихнул ее в палисадник и прошел к воротам.

Открыл калитку, вышел на улицу неспешно и где-то даже вальяжно, со спокойным достоинством исконного деревенского жителя, справного хозяина из малопьющих. У забора стоял черный джип, БМВ-пятерка, сверкавший как новенький полтинник, безукоризненный, как проповедник, а рядом прохаживался молодой человек, действительно упакованный по последней моде, в костюме с галстуком: круглолицый такой, розовощекий, причесанный идеально, гламурный до ужаса. На бандюка он, в общем, не походил, а походил скорее уж на секретаря райкома комсомола – полное впечатление, сейчас толкнет что-нибудь прочувствованное, идеологически выдержанное насчет великих строек коммунизма. А впрочем, нынче вам не старые времена, сейчас и бандюки на бандюков не похожи. Нет смысла гадать, но уже сейчас можно сказать, что Глыба прав: вот уж кем не может оказаться визитер, так это ментом... ну, возможна, конечно, подстава экстра-класса, но кто ж ее *так* ради Смолина готовить будет... Нет, сразу видно: вьюнош *привык* к гламурным шмоткам, ему в прикиде своем привычно и уютно...

– Василий Яковлевич? – вежливейше осведомился молодой человек.

– Он самый, – сказал Смолин, приглядываясь к машине. Там сидел за рулем второй, такой же гламурный и ухоженный.

– Очень приятно. Крупенко Максим, креатив-менеджер... Василий Яковлевич, шеф очень хочет с вами встретиться, желательно сегодня же... если вы располагаете временем... У него к вам взаимовыгодное предложение...

Смолин смотрел на него с предельно наивным выражением лица, даже помаргивая временами вовсе уж простодушно. Очень быстро до молодого человека дошло.

– Ох, простите, – сказал он с виноватой улыбочкой. – Ну да, разумеется...

Он проворно извлек из кармана визитную карточку и протянул Смолину. Тот ее забрал без церемоний. Ну, так... Багров Олег Викентьевич, генеральный директор, ессно... «Чароит-плюс», а как же...

Персону сию Смолин знал, и даже лично. Человек, в общем, в Шантарске не самый известный, но заметный все же, из бомонда. Никоим образом не олигарх, но обладатель нескольких миллиончиков американских рублей... но и не настолько крутой, чтобы выло-

жить за одно-единственное, не говоря уж о паре, *яйцо* Фаберже *настоящую* цену... он вообще в жизни антиквариатом не интересовался, один раз только, с год назад, заходил к Смолину, чтобы купить кому-то в подарок именную икону... товар за свои деньги получил качественный, но к антиквариату ни малейшего интереса не проявил и потому мысленно тогда же из списков потенциальных клиентов вычеркнул... Интересно... Претензий у него к тому случаю не может быть никаких, икона, конечно, не старинного письма, но все же железная девятнадцатереха, вторая половина, дешевле фиг где купишь, не может у клиента быть никаких претензий...

Смолин поднял глаза от визитки и нейтральным тоном поинтересовался:

– А в чем, собственно... – и рассчитанно оборвал фразу.

Розовощекий креатив-менеджер (интересно, что этот термин обозначает) с превеликой готовностью подхватил:

– Шеф хотел бы вас пригласить для небольшой консультации.

– Что, прямо сейчас?

– Было бы крайне желательно... Василий Яковлевич, тысяча долларов за консультацию вас устроит? По факту, независимо от результатов?

Такое продолжение разговора Смолину, что греха таить, понравилось чрезвычайно. Всегда б так... Но бизнес есть бизнес, и он сделал такое лицо, словно вспоминал, насколько к нему сегодня записана ее величество королева английская, собравшаяся прикупить для одного из своих дворцов парочку самоваров. Истолковав его молчание совершенно правильно, молодой человек проворно выхватил из кармана конвертик и протянул с надлежащим шармом:

– Вот...

Конвертик был самый обычный, какие лежат в любом киоске, незаклеенный. Бегло заглянув внутрь и убедившись, что там в самом деле покоится тонюсенькая стопочка портретов президентов США в черно-зеленом исполнении, Смолин не стал извлекать оттуда дензнаки и пересчитывать – у нас собственная гордость и свое достоинство, мы не сявки... С рассчитанной небрежностью сунув конверт в нагрудный карман рубашки, он кивнул:

– Ну что же, подождите немного, я переоденусь...

– Разумеется! – просияв, с энтузиазмом воскликнул молодой человек при загадочной должности.

Смолин целеустремленно направился домой, игнорируя негодующие Каткины вопли из палисадника. Пожалуй, собираясь к человеку, который небрежно отваливает штуку баксов за консультацию, да еще предоплатой, следовало респектабельности для влезть в костюм и завязать галстук: не олигарх, как уже упоминалось, но и не мелкота, мало ли что там может быть, нужно соответствовать...

Подав Глыбе визитку, он кратко проинформировал:

– Консультация зачем-то понадобилась этому хорю... Номер тачки запомнил?

– А то.

– Ну и ладненько, – рассеянно сказал Смолин, прямым ходом направляясь в гостиную, к платяному шкафу.

Он не подозревал пока что ничего нехорошего, он просто-напросто соблюдал определенные правила, давно это въелось, привычкой стало. Времена настали смутные и непонятные, учитывая череду недавних событий, всю эту нехорошую возню, до сих пор во многом непонятную.

Подумав, стал извлекать вешалку с серым в полоску костюмом. Никакого оружия с собой, понятно, не стоит *так* уж бдительность проявлять...

Глава вторая

Нестандартный заказчик

К офису «Чароит-плюс» Смолин был доставлен быстро, мимо охраны в вестибюле проведен молниеносно, в приемную препровожден предупредительно. В приемной тоже не случилось ни малейшей задержки: крашенная кукла Барби, настоящее произведение искусства, едва его завидев, разулыбалась так, словно лет пять уж мечтала ему отдаться. И еще секунд через пять Смолин оказался в кабинете большого босса.

Кабинет был не такой уж грандиозный, но, разумеется, вполне на уровне, в серых и светло-синих тонах. Хозяин простер гостеприимство до того, что встретил Смолина пусть и не у двери, но примерно на середине кабинета, проводил к столу, усадил, осведомился насчет кофе или чего-нибудь покрепче, а получив вежливый отказ, уселся на свое законное место. За прошедший год он, в общем, не изменился: крепенький мужичок с залысинами, напористый такой, нахрапистый, привыкший переть по жизни целеустремленным бульдозером.

Правда, сейчас обычной нахрапистости в нем что-то не наблюдалось, странновато он поглядывал, то ли виновато, то ли смущенно, это легко просматривалось. У Смолина появились кое-какие рабочие версии, но он вежливо помалкивал. Потом, когда молчание стало напряженным, он все же спросил нейтральным тоном:

– У вас какие-то проблемы с антиквариатом, Олег Викентьевич?

– Пожалуй, – ответил Багров с явным облегчением, видя, что ситуация сдвинулась с мертвой точки. – Я слышал, вы в холодном оружии хорошо разбираетесь...

– Есть немного, – сказал Смолин. – Лет двадцать занимаюсь, тут наберешься кое-какого опыта...

– Про тайну и так ясно?

– Конечно, – ответил Смолин со светской улыбкой. – У нас, знаете ли, на том все и держится...

– Я вам сейчас покажу одну вещичку, а вы мне сделаете квалифицированное заключение...

Он резко – слишком резко – отодвинул кресло, прошел к высокому, во всю стену, светло-серому шкафу, распахнул бесшумную дверцу. Извлек саблю в черных ножнах с вычурным эфесом. Вернулся к столу.

Идти ему было всего-то шага четыре. Едва он достал саблю, Смолин уже сделал в уме заключение касательно ножен. Когда Багров одолел полпути, Смолин уже сделал кое-какие предположения касательно эфеса. А приняв у хозяина кабинета саблю и бегло оглядев эфес, в предположениях утвердился.

– Вы ее выньте, что ли, посмотрите... – сказал Багров с натянутой улыбочкой.

– Успеется, – сказал Смолин. – У каждого эксперта свои методы, знаете ли... Вы это купили или только собираетесь?

– Купил.

– И как вам охарактеризовали вот *это*? – Смолин небрежно ткнул пальцем в новехонькие ножны, смастряченные максимум полгодика назад из черного кожзаменителя (качественного, правда, неплохой имитации натуральной кожи) и прямо-таки сверкающих бронзовых полосок.

– Как саблю, принадлежавшую кому-то из участников восстания поляков против императрицы Екатерины. Какому-то знатному шляхтичу – вот видите, на обеих сторонах гербы? На лезвии есть надпись и дата...

– Посмотрим, – сказал Смолин, привычно вытягивая саблю из ножен. – Что у нас здесь? У нас здесь раскудряво выгравирована надпись на чистейшей польской мове «Ojczyna

i wolnosc! 1793». Что в переводе означает «Родина и свобода» – ну и, соответственно, год. Все правильно, в этом году ляхи в очередной раз и бунтовали... А здесь, возле самого эфеса, у нас клеймо... видели, конечно? Голова рыцаря, точнее, рыцарский шлем... – Он уже исключительно для порядка поднес клинок к самым глазам, присмотрелся к гравировке, осторожно опустил тяжелую байдю на полированный стол.

– Что скажете? – быстро спросил Багров.

– А что тут можно сказать? – пожал плечами Смолин. – Вы деньги уже отдали?

Долгих пару секунд хозяин кабинета переживал некое внутреннее борение. Потом, словно одним прыжком ухая в холодную воду, сказал:

– Отдал...

– А продавец еще в пределах досягаемости?

– Да, в принципе... А что?

– Сколько вы ему заплатили – секрет, или?

– Триста тысяч. Ну, понятно, не долларов...

– Все равно, – сказал Смолин сумрачно. – Дело ваше, но лично я этой сабелькой... фуфлом этим преохался бы продавцу по хребтцу. И не раз. Можно вдоль, можно поперек... Нельзя же *так*... В конце концов есть некая профессиональная этика...

Он, конечно, самую чуточку лукавил душой. Не видел ничего особо скверного в том, что порой набитому бабками лоху впаривают откровенное фуфло, да и сам этим не единожды грешил – все ж таки это не пенсию у бабульки выжуливать, лохи для того и существуют, чтобы их стригли. Но сейчас он в качестве хорошо оплаченного эксперта обязан был посоветовать облапошенному клиенту, на манер хорошего венеролога.

«Не наша работа, – подумал он. – Что-то не помню я у наших умельцев такой сабельки... да для наших и позорно было бы такое фуфло лепить, наши изящнее работают...»

– Фуфло?

– Полное и законченное, – кивнул Смолин.

– И вы это вот так, с ходу определили?

– Я профессионал, – сказал Смолин. – Хотя, разумеется... За тысячу долларов вы имеете право на подробнейшие разъяснения... Начнем с того, что ножны – натуральнейший новодел...

Багров прервал:

– Насчет ножен так и говорилось...

– Ну, хоть в чем-то вам сказали чистую правду, – пожал плечами Смолин. – А что до остального... Эфес сделан вчера-позавчера, хотя и качественно. Я не могу вам объяснить в технических терминах и гладких фразах, почему он поддельный. Я просто-напросто *вижу* издали, что это фуфло. Когда за двадцать лет через твои руки прошли сотни клинков, такие вещи начинаешь *видеть*... Я не знаю, звучит ли это для вас достаточно убедительно...

– Звучит, – с кривой улыбочкой заверил Багров. – Я понял. Вы профессионал, и вы умеете отличать фуфло от подлинника... Что еще?

– Эфес делал хороший мастер, но о правдоподобии он ничуть не заботился, – сказал Смолин. – Верно, вот тут, справа и слева, мы видим гербовые щитки. *Два* герба. А так не должно быть. Хотите кратенькую лекцию о польских гербах?

– Давайте.

– Практически во всех остальных странах у *каждой* благородной фамилии был свой герб, – сказал Смолин. – В Польше обстояло как раз наоборот. Там было примерно восемьдесят с лишним *базовых*, так сказать, гербов. Один и тот же герб мог принадлежать *нескольким* фамилиям, иногда десятку-двум. Наверное, не стоит копать *слишком* уж глубоко и объяснять, почему так исторически сложилось?

– Не надо. Суть я просек.

– Здесь *два* базовых герба, – сказал Смолин. – Два одновременно. Такого быть не могло. Нигде, никогда, ни за что. Это полностью противоречит старым польским традициям. Так *никогда* не делали. *Один* – встречается и нередко. Но два базовых герба одновременно... Чушь собачья. То ли мастер в истории и геральдике был не силен, то ли цинично ухмылялся под нос, когда блудливыми рученьками это творил... Бывали соединения гербов, конечно – в других странах и по другим причинам. Вот, посмотрите.

Он достал свой серебряный портсигар и придвинул его к Багрову. Тот взял, присмотрелся – сразу видно, ничегошеньки не понимая.

– Герб разделен продольной чертой на две половины, – сказал Смолин не особенно и менторским тоном. – Слева три сосны на горе, справа кораблик. Сверху корона о семи зубцах, то есть дворянская. В германском гербовнике тысяча семьсот третьего года издания они еще присутствуют по отдельности. Сосны на горке – герб Рейнвальдов. Кораблик – герб Вейхеров. Портсигар изготовлен в конце девятнадцатого. Самое вероятное объяснение – фамилии к тому времени успели породниться. В таких случаях гербы сплошь и рядом соединялись. И не только в Германии. Есть английский герб, где в результате браков и отдельных гербов собралось штук семьдесят – занятное зрелище, глаза разбегаются. Но в Польше ничего подобного не было... Циничным шутником был наш мастер... И наконец... – он вытащил из ножен клинок примерно с ладонь. – Вот это клеймо. Я не буду пускать вам пыль в глаза и врать, что знаю наизусть *все* германские оружейные клейма. Нет необходимости забивать себе голову, есть отличные, подробные справочники, их у хорошего антиквара куча. Но *это* клеймо, рыцарский шлем, я знаю прекрасно, потому что оно встречается очень часто. Это «Киршбаум и Бремсхей» из Золингена. Начали это клеймо ставить в восемьсот пятьдесят восьмом, а перестали уже через пятнадцать лет, в восемьдесят третьем, когда фирма слилась с другой золингенской фирмой «Братья Вайерсберг». С тех пор рыцарский шлем хоть и присутствовал на клинках, но непременно с буквами WKS, либо в сопровождении профиля человека в короне, либо, по третьему варианту – рыцарский шлем, голова в короне и буквы WKS. А это, – он коснулся пальцем клейма, – стопроцентный «Киршбаум и Бремсхей».

– Тысяча *восемьсот* пятьдесят восьмой?

– Вот именно, – сказал Смолин. – А поэтому отсюда автоматически проистекает, что к полякам в семьсот девяносто третьем году никак не мог попасть клинок, изготовленный самое раннее через шестьдесят пять лет *после* бунта... Кстати, надпись несомненно сделана не вручную, а гравировальной машинкой... каких в восемнадцатом веке просто-напросто не существовало. Короче говоря, перед нами – стандартный армейский германский клинок, изготовленный в промежутке меж восемьсот пятьдесят восьмым и восемьсот восемьдесят третьим... украшенный современной надписью и современной работы эфесом. Такое вот заключение. Разумеется, если вам нужно, я могу вам привезти каталоги оружейных клейм, другие источники, иллюстрации подобрать...

– Не нужно, – хмуро сказал Багров.

«Ну и ладушки, – подумал Смолин. – Думается, штуку баксов я и так отработал по полной...»

Как дети малые, честное слово, – размышлял он с легким злорадством и несомненным превосходством. – Серьезный бизнес у человека – инвестиции в высокие технологии. И на этой деланке он шагу не ступит без экспертов, адвокатов, консультантов и прочих консилиери. А вот в антиквариате они, все эти крутые, лезут наобум, полагая, что там все просто и собственным умом справятся...»

– У меня и экспертное заключение есть... – сказал Багров.

– Интересно было бы взглянуть, – сказал Смолин.

Собеседник проворно извлек из ящика стола лист бумаги в прозрачном файлике: печатный гриф некоего учреждения, подпись, печать...

Уже в следующую секунду Смолин опознал подпись и, должно быть, не удержался от беззгливой усмешки. Багров быстро спросил:

– Так это что, одна шайка?

– Нет, что вы, – сказал Смолин, бегло пробежав очередное, бог весть какое по счету, словоблудие Перепела. – Автор этого опуса, скажу вам по секрету, чересчур невежествен для того, чтобы быть принятым в любую мало-мальски серьезную шайку... Господин Перепелкин просто-напросто классический невежа. Полагающий, что если он тридцать лет назад получил ученую степень кандидата искусствоведения, то в антиквариате разбирается круто. На деле, признаюсь, шантарская антиварка мнение господина Перепелкина никогда не берет в расчет... Ну конечно, его любимый оборот... «Предмет представляет значительную историческую и культурную ценность»... Самое печальное, что он всегда сам верит в то, что пишет – и эти бумажки ляпает за смешные копейки... Поверьте, все обстоит именно так, как я вам излагаю. Мы над ним подшучивали в свое время, приносили откровенное фуфло и получали такие вот *ксивы*... но это уже давно приелось, его оставили в покое...

Пожалуй, сказано было *все*. Смолин поднял голову, послал финансовому воротиле крайне выразительный, красноречивый, недвусмысленный взгляд: мол, какого тебе еще рожна надобно, старче? Все обговорили...

Багров, похоже, понял правильно.

– Ну что же, с этим все, – он неприязненно покосился на клинок и творение Перепела. – Это все очень убедительно, у вас репутация профессионала, я навел справки... раньше бы их навести... да что теперь... Но деловой разговор у нас с вами, Василий Яковлевич, только начинается.

«Интересно, – подумал Смолин, решительно не представлявший, в *каком* же направлении разговор теперь двинется. – То-то гонорар за консультацию оказался таким крутым. Не швыряется попусту деньгами долларový миллионер, тут что-то посерьезнее и посложнее...»

– И так? – произнес он вопросительно.

– Василий Яковлевич... – без паузы отозвался Багров. – Меня крупно кинули. Не в деньгах дело, сумма, в конце концов, где-то даже и смешная... Меня чуть не подставили серьезнейшим образом. Не стоит напоминать, что разговор у нас насквозь приватный? – Он уперся колючим взглядом так, что Смолин чуть ли не физически ощутил прикосновение холодного металла.

И ответил:

– Конечно. Мы, как врачи...

– В общем, я это покупал не для себя. Я этими вещами как-то не увлекаюсь, если помните. Есть в Москве один человек... очень *нужный* мне человек, до зарезу. Вы ведь сталкивались с ситуациями, когда даже деньги не все решают? Независимо от суммы?

– Ну разумеется, – кивнул Смолин. – Он что, коллекционер?

– Заядлый. Холодное оружие собирает... с упором на Польшу. У него оттуда корни тянутся, вроде бы всерьез... Человек занимает такое положение и достиг такого уровня благосостояния, что деньги его частенько и не интересуют. Деньги ему принесут *всегда*, мимо него не пройдешь в некоторых случаях. А вот качественный старый клинок...

– Понятно, – сказал Смолин. – Дальше можно не объяснять. Я прекрасно понимаю, что такое настоящий коллекционер, они меня всю сознательную жизнь кормят, и я их изучил, как хороший токарь свой станок... И он, конечно, *знаток*?

– Серьезный. Если бы я ему припер это... фуфло...

Он вздохнул и сделал многозначительную гримасу.

– Да, конечно, – сказал Смолин. – Случалось похожее и в Шантарске, ничего сложного... Что ж, если вам нужны качественные, подлинные клинки, это не проблема...

Багров энергично вскинул ладонь.

– Нет-нет! То есть... Мы к этому обязательно вернемся, но не сейчас. Сейчас дело в другом... Я, господи прости, не по Христовым заповедям живу. Получив по левой, правую не подставляю. Давайте не будем тянуть кота за хвост. Этот тип меня едва не подставил серьезнейшим образом... И я хочу той же монетой рассчитаться. Что вы так смотрите?

Мило улыбаясь, Смолин сказал как можно нейтральнее:

– Но ведь всегда можно наказать поганца без особых комбинаций...

Понимая улыбаясь, Багров звучно постучал кулаком в левую ладонь.

– Ага?

– Ну, примерно... – тонко улыбаясь, кивнул Смолин.

Багров погрузился:

– Василий Яковлевич, сейчас не девяносто второй год и даже не девяносто девятый...

Все мы нынче примерные и цивилизованные, правовая демократия на дворе... Респектабельные все нынче... увы. Во-первых, времена не те, и не стоит оно того. Во-вторых... Стратегически размышляя, какой толк от того, что этому субъекту в один прекрасный вечер отшибут потроха обкурившиеся тинейджеры? Грубо, пошло... и ужасно мелко. Seriously. А вот если этот тип сам в свою очередь выложит приличные деньги за совершеннейшее фуфло, да при этом не сможет их вернуть... Так, по-моему, не только изящнее будет, не только респектабельнее, но еще и *приятнее*...

– Пожалуй, – сказал Смолин. – В этом есть большая сермяжная правдочка... И что же вы намерены ему подсунуть?

– Я? – Багров поднял брови. – Я в антиквариате совершенно не разбираюсь... У меня не получится. Вы – профессионал. Вам и флаг в руки. Короче говоря, я хочу вас нанять. *Впарьте* ему что-нибудь убедительное... и весьма недешевое. Чем больше денег он ухнет, тем лучше. Все, что вы с него получите, оставите себе. Мало того, я вам даю честное слово, что прикрою от любых неприятностей... хотя вряд ли их следует ожидать. Ну и я готов заплатить за... операцию...

Он извлек из пластиковой коробочки квадратный листок бумаги, быстро черкнул на нем что-то и придвинул Смолину через стол. Пояснил:

– Это гонорар за *мелкую* пакость. А вот если вы его нагреете этак на полмиллиончика, а лучше бы на миллион, сумма автоматически увеличится вдвое-втрое... Разумеется, я беру на себя все... накладные расходы – нужно же приготовить нечто убедительное. Итак?

Смолин молчал совсем недолго.

– Согласен, – сказал он с улыбкой. – И сумма мне нравится – в любом варианте – и задача, в общем, вполне подъемная... И кто же мой клиент?

– Может, вы его даже и знаете... – сказал Багров, снова выдвигая бесшумный ящик стола. – Хороший снимок, узнать легко...

Смолин рассматривал фотографию недолго.

– Ну как же, как же, – сказал он медленно. – Этот московский хорь с годик уже у нас отирается, частенько наезжает и надолго задерживается... Кариков, Париков...

– Яриков.

– Правильно, – сказал Смолин. – Ну конечно, Яриков, Константин как-его-там...

– Корнеевич.

– Да, вот именно. У меня осталось в памяти что-то такое... Ко-Ко... Ка-Ка...

– Вы с ним дела ведете?

– Ни малейших, – сказал Смолин чистую правду. – С ним большая часть наших старается дел не иметь.

– Почему?

– Как вам объяснить... – сказал Смолин. – Антиквар, как и любой другой бизнесмен, всегда старается купить на грош пятаков. Дело житейское. Но у господина Ярикова эта тенденция настолько ярко выражена и настолько поставлена во главу угла... Лично мне *такие* не по нутру. С ними никогда невозможно наладить взаимовыгодный бизнес, понимаете? Нет никакой возможности. А потому я с ним почти сразу же перестал контактировать. Где вы с ним пересеклись?

– В «Раритете», у Тарабрина.

«Ну конечно, – сказал себе Смолин, – один Врубель с этим субъектом и корешится, остальные давно послали подальше по тем же мотивам».

Он вновь взял со стола фотографию. Нет, конечно, субъект выглядит не просто благопристойно – респектабельно: гордая посадка головы, лицо породистое, красивая проседь. Можно принять за солидного профессора или киноактера, интеллектуала, в общем. Но по сути – обычная столичная шушера, из тех, кто безосновательно полагает, что во глубине сибирских руд у аборигенов до сих пор можно выменять горсть натуральных золотых самородков за яркие стеклянные бусики. Давненько уж у Смолина руки чесались *втюхать* этому живчику какое-нибудь убедительное и дорогое фуфло, чтоб знал наших, да все как-то руки не доходили за более серьезными и насущными делами. Но теперь, когда предлагают то же самое сделать за приличные деньги, откажется только идиот...

Багров продолжал не без виноватых ноток в голосе:

– «Раритет» считается приличным салоном, чуть ли не самым старым в Шантарске, там бывает масса серьезных людей... Кто бы мог подумать... С *этим*, – он ткнул пальцем в фотографию, брезгливо поджал губы, – там и свел знакомство. Кто ж знал?

– Он вам сам сабельку продал?

– Если бы! – горько поморщился Багров. – Он мне порекомендовал некоего человечка... И, вспоминая теперь, раз или два вскользь упомянул, что ничего гарантировать не может... Именно что вскользь, мимоходом, так что это совершенно в общей беседе затерялось, мимо ушей прошло... С него, кропотливо анализируя, как бы и взятки гладки: в случае чего всегда может сказать, что предупредил, не подкопаешься...

– Язык у него подвешен, – сквозь зубы сказал Смолин. – И дальше?

– Он дал мне номер, я позвонил... Подъехал этот самый Грачев-Овчинников...

– Кто-кто? – не удержался Смолин.

– Грачев-Овчинников. Так он назвался. Я же не проверял документов... Что вы так смотрите?

– Всякие совпадения возможны, но... – сказал Смолин, старательнейшим образом погасив улыбку. – Но больше всего это похоже не на совпадение, а на черный юмор. Уэтих господ определенно присутствует чувство юмора... Видите ли, почти сразу же за Фаберже шли ювелиры Овчинников и Грачев, точнее, братья Грачевы. Да нет, какое там совпадение... Юмор такой.

– Хотите сказать, они еще надо мной и прикололись дополнительно?

– Боюсь что да, – сказал Смолин нейтральным тоном. – Что-то не верю я в совпадения... Пошутили ребятаки...

Багров таращился куда-то сквозь него свирепым взглядом так, что Смолину уже стало казаться, что от его услуг откажутся, а взамен наймут парочку крепких ребят с бейсбольными битами. «Есть у людей чувство юмора, – подумал он не без уважения. – Мне подобное с лохами как-то и в голову не приходило, надо будет запомнить... Грачев-Овчинников... Еще бы отрекомендовался, стервец, как Никольс-Плинк... Тоже были ювелиры не из последних, Никольс и Плинк, до сих пор подделывают...»

Собеседник довольно быстро овладел собой, продолжал, зло посапывая:

– В общем, он подъехал, навешал лапши на уши, показал саблю, экспертное заключение, говорил, что товар дефицитный, что всегда найдется другой покупатель, что на рынке застой, вернее, затишье из-за каких-то ментовских наездов... В *моем* деле меня и на рубль не кинешь, но тут...

«Ничего-ничего, – мысленно приободрил Смолин. – Не смертельно. Всего-то на триста штук влетел, и не «условными», и презент преподнести не успел. В следующий раз умнее будешь и сначала с понимающими людьми посоветуешься...»

– И вы купили.

– Купил.

– А снимочка этого Грачева-Овчинникова у вас нет?

– Вот чего нет... Описать могу подробно. Он и в самом деле описал прохвоста с вымышленной, конечно же, фамилией так ярко и детально, что Смолин мог его, пожалуй, при встрече и опознать... но он понятия не имел, кто это. Совершенно незнакомая персона, абсолютно не связанная в памяти с тесным и немногочисленным, в общем, мирком шантарских антикваров – ни среди крупных такого нет, ни среди многочисленной мелочи. Стоп, а кто сказал, что липовый Грачев-Овчинников *вообще* имеет отношение к антикварному миру? Вовсе не факт. Шестерка нанятая – или использованная – для единичного задания... Между прочим, умно...

– Совершенно не представляю, кто бы это мог быть, – сказал Смолин. – Возле наших пенатов никто похожий не болтался... Ну, в конце концов, это и не важно. Работать мне все равно не с ним, а с Яриковым.

– У вас есть идеи?

Смолин улыбнулся открыто и весело:

– Найдутся. Собственно, даже не идеи, а одна старая заготовочка, которую я давненько уж держал про запас, подходящего случая не подворачивалось. А теперь, чувствует мое сердце, самое время...

– И что это?

– Позвольте уж я это пока при себе подержу, – сказал Смолин. – Из чистого суеверия – удачи не будет... Потом, когда все будет готово, и мне понадобятся деньги на накладные расходы...

– Аванс?

– Спасибо, не надо, – сказал Смолин. – Можно я фотографию заберу?

– Да ради бога. Еще? У меня их с полдюжины.

– Давайте, – сказал Смолин. – Пригодится... Думаю, уже денька через два я вам сообщу, как идут дела.

Багров, поднявшись вслед за ним, сказал мечтательно:

– Только как-нибудь так, чтобы он влетел на хорошие бабки...

Глядя ему в глаза, Смолин легонько постучал согнутым указательным пальцем по столу, надеясь, что это все же не пластик, а натуральное дерево.

– Если все пройдет, как я задумал – тьфу, тьфу! – он влетит на хорошие бабки. И при этом правоохранительные органы будет обходить за километр...

– Seriously?

– Если все получится, – сказал Смолин. – Не переживайте, вы платите по факту.

– Да не в деньгах дело. Умыть гада хочется...

«Самое смешное, что мне тоже, – подумал Смолин. – Говорить об этом не стоит, но есть тут и маленький личный интерес. Чем меньше подобных долбанных варягов ползает по Шантарску, тем воздух чище. И уж если подворачивается возможность не просто подложить свинью неприятному субъекту, да еще и приличных денег поиметь, нужно хвататься обеими руками...»

– Я сейчас парнишку своего вызову, – сказал Багров. – Вас домой забросить?

– Нет, – сказал Смолин, улыбаясь все так же безмятежно и отрешенно. – Я скажу ему, куда. Прямо сейчас и начнем работать...

Глава третья

Рабочие будни

Вящей конспирации ради – чужой человек, в конце концов, случайный – Смолин попросил высадить его далеко от места назначения, у водонапорной башни из порыжевшего кирпича, довоенного и потому несокрушимого. Вежливо попрощался с креатив-менеджером и не спеша побрел по широкой пыльной улочке, где по обеим сторонам возвышались добротные коттеджи, и красивые, и весьма даже страхолудные. С обеих сторон раздавалось яростное собачье гавканье.

Убедившись, что надраенный джип скрылся за поворотом, Смолин пошел быстрее. Остановился у высокого забора – в отличие от окружающих не краснокирпичного, а дощатого, выкрашенного в блекло-зеленый цвет, погремел большим железным кольцом, служившим калитке вместо ручки. Далеко от ворот раздался собачий лай – но на одном и том же месте. Тогда Смолин безбоязненно повернул кольцо, поднявшее щеколду, вошел.

В центре участка соток из двадцати, посреди берез и сосен стоял одноэтажный домишко с мансардой, хотя и немаленький, но в подметки не годившийся окружающим особнякам: из посеревших от времени досок, с ужасно старомодными окнами и неуклюжей верандой, сплошь застекленной (разноцветные квадратики стекла в деревянной раме). Карат надрылся в будке, просовывая нос в щель меж дощатой дверцей и притолокой.

– Свои, свои... – процедил Смолин, уверенно направляясь к крыльцу, довольно-таки покосившемуся.

Обветшал домик изрядно – но в сорок шестом году, когда его в качестве дачи передали Шварцеву дедушке на вечные времена, он, конечно, смотрелся на фоне тогдашнего бытового неурейства сказочным дворцом. Шварц в свое время порывался снести к чертовой матери эту развалюху и построить добротный кирпичный коттеджик не хуже, чем у людей, благо и деньги были. Вот только папенька с маменькой насмерть встали грудью на защиту родового гнезда, запрещая менять в усадьбе хоть что-то: вот порем, заявили они, а тогда хоть небоскребы строй. Очень уж сильные лирическо-романтические воспоминания были у четы Кладенцевых с ним связаны: то ли они впервые здесь встретились в юном возрасте, то ли у них тут впервые *произошло*, то ли всё вместе. Лирика и романтика, одним словом. Шварц в конце концов отступил, так и не преодолев родительского сопротивления, домик так и стоял посреди россыпи новорусских коттеджей. Иногда отсюда возникали недоразумения: отдельные прыткие экземпляры, полагая, что *все* семейство Кладенцевых состоит из пришедшей в упадок интеллигенции, заявлялись с гнутыми пальцами и пытались участок купить – но, угодивши на Шварца, второй раз уже не появлялись, а там и вообще перестали маячить на подступах...

Единственная уступка, на какую Шварц родителей сподвигнул, – вполне современная котельная в подвале и модерновые алюминиевые батареи, ничем не напоминавшие чугуновый совдеповский ужас (поскольку внешнего вида исторического поместья это не портило, папа-мама со вздохом согласились). Ну и изнутри Шварц развалюху утеплил как следует, так что обитал тут практически постоянно.

Ни единой машины Смолин во дворе не обнаружил – а это означало, что его бравые парни собрались гулеванить до упора, не озабочиваясь возвращением к родным пенатам. Даже Шварцевская «Целика» куда-то подевалась... ага, в гараже, сквозь приоткрытые двери видно.

Домишко был ветхий, но, надо отдать ему должное, обширный. Квадратов в сто пятьдесят. Иосиф Виссарионович, даром что сатрап, о своих ученых заботился – а Кладенцев тогда, в сорок шестом, хоть и был тридцати четырех годочков от роду, но стал уже профес-

сором и получил первую из четырех своих Сталинских премий (за открытие шантарских платиновых месторождений, если кто помнит)...

Остановившись на крыльце, Смолин прислушался. Музыка внутри не слышалось, но доносился ритмичный топот, сопровождаемый бодрыми хоровыми воплями – посиделки уже, надо полагать, в разгаре.

Он распахнул простецкую дверь, привычно направился по длинному коридору в сторону топота и молодецкого пения – напрямик в гостиную, занимавшую добрую треть дома. Остановился в дверях, озирая происходящее с мудрой снисходительностью отца-командира.

Уставленный бутылками стол и прочие мебели были предусмотрительно сдвинуты к стенам, а посередине гостиной *выкаблучивали* два кандидата наук – светило шантарской археологии Слава Гонзиц по кличке Камрад и Кот Ученый. Заложив руки за спину, они, вставши лицами друг к другу, мастерски отбивали чечетку, слаженно вопя:

Горе с горем подружилось,
на дороге в пляс пустилось.
Гоц! Гоц! Гоц!
И с чего их разобрало,
им, как видно, горя мало...
Гоц! Гоц! Гоц!
У подножья горки кочка,
видно, в матку вышла дочка!
Гоц! Гоц! Гоц!

Почтенный домишко поскрипывал и временами вроде бы сотрясался. Смолин понимающе кивнул. Забава была старая и насквозь знакомая: поддавши, оба интеллектуала любили усладить слух окружающих неизвестными всем прочим песнями, почерпнутыми откуда-то из классики.

Шварц, не снявший терминаторских темных очков, расположился в большущем старинном кресле, задумчиво оглаживая там и сям усаженную на колени подружку. Подружка млела. Смолин ее не помнил ни по внешности, ни по имени, но запоминать и не стоило – у Шварца они менялись так часто, что не было смысла утруждать мозги, молод был Шварц, не перебесился...

Присутствовавший здесь же Фельдмаршал, ни на кого не обращая внимания, занимался опять-таки крайне интеллектуальным делом: баловал с большим черным маузером, оттягивал длинный затвор, прицеливался в высокий застекленный шкаф и спускал курок. Маузер, похоже, исправно щелкал, но из-за топота расходившихся кандидатов наук этого слышно не было.

Оба упомянутых, завидев Смолина, вприсядочку подскочили к нему и начали перед ним бить степ, вопя:

Ох, солдацка жизнь завяла!
Жалованья дают мало –
по три денежки на день,
куда хочешь, туда день.
И на шило, и на мыло,
и что б выпить на что было...

Ради поддержания общего тонуса, Смолин поднял руки, повертел запястьями на манер египетской танцовщицы, вильнул бедрами в хорошем стиле Элвиса Пресли, обошел плясу-

нов и направился напрямик к Фельдмаршалу. Протянул руку, Фельдмаршал не без гордости оружие ему отдал.

Впрочем, это уже не оружие: в ствол забита стальная заглушка, да и боек наверняка ампутирован, Фельдмаршал мужик осторожный и на рожон не лезет. Но когда-то оружие было солидное – с торчащим наружу магазином на двадцать патронов. Ага, слева переводчик на автоматическую стрельбу... а это у нас что? А это у нас три иероглифа, весьма качественно выбитые на левой стороне патронника. Судя по виду, состоянию – довоенный, годов тридцатых, ну да, китайцы такие штуки особенно любили почему-то. Да и было за что: при автоматической стрельбе, конечно, никакой точности, но если перевести на одиночные и примкнуть кобуру-приклад, супостата можно достать и в километре...

Рядом Шварц зловещим голосом рассказывал подружке, что этот вот усатый дядька с большим пистолем – главный шантарский киллер, который даже по зарубежным заказам работает, и вообще, что касаясь Джона Кеннеди, то мы-то, люди посвященные, знаем, что к чему... Подруга хихикала и просила дурочку из нее не делать, она хоть и блондинка натуральная, но соображает, и вообще, когда Джона Кеннеди хлопнули, этот дядька должен был еще в школу ходить...

Смолин покосился на нее уже с любопытством: на фоне тотального невежества молодого поколения в части как отечественной, так и импортной истории, юная натуральная блондинка, знавшая, кто такой Джон Кеннеди и когда примерно его убили, смотрелась своеобразным феноменом...

– Сколько отдал, – спросил он.

– Полтинник, – ответил Фельдмаршал.

– Ну, нормально.

– Ага.

Поиграв тяжелым пистолетом, поприцеливавшись в углу, Смолин вернул его хозяину, прошел к столу и «по-северному» налил себе полстакана розового мартини. Он сегодня уже не собирался водружаться за баранку, так что мог расслабиться. Медленно выпечил, сразу налил еще полстакана и тут же приговорил – чтобы малость догнать ушедший вперед коллектив. Громко спросил:

– По какому поводу банкет?

В гостиной моментально что-то изменилось: плясуны, закончив очередной куплет, подошли к нему, а Шварц, ссав с колен белобрысую интеллектуалку, шлепнул ее пониже талии:

– Солнце, мяском займись, пора и пожрать уже...

Она сговорчиво вышла. Оказавшийся ближе всех к высокой двустворчатой двери Гонзиц быстренько и тщательно ее прикрыл, Фельдмаршал отложил маузер.

– Короче так, шеф, – сказал Кот Ученый. – Аппаратурка на дне *фиксировала* массу металла. Примерно в двух километрах от *исторической* точки утопления броневика. Ближе к Шантарску. Там тоже обрывчик, но гораздо более пологий, есть время выскочить... По весу масса примерно «Остину» соответствует.

Смолин встретил эту новость с удивившим его самого спокойствием – слишком много произошло в последнее время и дурного и хорошего, эмоции как-то притупились... В конце концов, это не обязательно броневик, мало ли увесистых металлических предметов оказалось на дне в последнее столетие... Он только спросил:

– Не ныряли?

– Нет пока. Народу там оказалось ненужно много – рыбаки, отдыхающие... Нужно будет выбрать будний день.

– Ты не забыл?

– Ну что ты, – сказал Кот Ученый. – Исключительно с тобой во главе...

– Вот именно, – твердо сказал Смолин. – И не иронизируй над моими романтическими мечтами. Еще когда я в детстве Кусто читал, хотелось поднять со дна что-нибудь этакое... А у тебя как? – повернулся он к Шварцу.

Тот прилежно доложил:

– Эту сучонку, Дашеньку нашу, менты выпустили уже часа через три. И обоих козликов тоже. Объяснительные, надо полагать, по всем правилам взяли, но про возбуждение уголовного дела что-то не слышно. Адвокатишка моментально примчался, начал параграфами блевать, интеллигентные родители подтянулись и устроили хай вселенский, вопили со всем перестроечным пылом про ментовский беспредел, дипломами своими и прочей лабудой трясли... По слухам, молодежь отбрехала. Они ничего такого и не замыслили, наоборот, спасали бесценные полотна для мировой культуры, поскольку шизанувшаяся бабка их вот-вот в капусту порезать могла... Реалистично прикидывая, пришить им нечего, особенно если адвокат шустрит...

– А что за адвокат?

– Разведываю пока помаленьку, что за персона. В общем, посадить их или просто нервы помотать вряд ли удастся...

– Ладно, – сказал Смолин. – Это, в общем, с самого начала было ясно, не в том задача. Главное, мы им сорвали дельце, картины в Шантарске, музей их, изменив прежние планы, возьмет все до единой, я уже шаги предпринял... – Он задумчиво повторил: – Главное, мы им дельце сорвали... Второй раз ни за что не проканаает.

– А знаешь, что самое интересное?

– Ну?

– Адвокатишку доставили на черной «Камри» с тем самым номером. На которой Дашеньку тогда домой привозили. И знаешь, кто за рулем восседал? Анжеров, Эдик-Говорун... Никакой ошибки, тот самый номер...

– Интересно девки пляшут... – проговорил Смолин сквозь зубы.

Наконец-то какая-то персона с *той стороны* обозначилась в реальности. Заметная персона, хотя в последние годы и изрядно полинявшая.

Итак, Анжеров Эдуард Степанович, он же Эдик-Говорун, он же Енот-Потаскун... Личность в шантарской антикварке – да и вообще в губернии – приметная. Ровесник Смолина, служил на невысокой должности по научной части, на волне перестроечной шизофрении как-то ловко и быстро *проскользнул* в народные трибуны, да так двадцать лет и бултыхался на плаву, депутатствовал, небольшие должности в областной администрации занимал, снова депутатствовал, при каких-то мутноватых фондах, ассоциациях и общественных организациях крутился, порою самолично их создавая и возглавляя. Больших капиталов не скопил, но существовал безбедно, ой, безбедно! Как было достоверно известно людям осведомленным, несколько лет лоббировал интересы пары-тройки серьезных частных концернов – уж наверняка не по доброте душевной. В тех же осведомленных кругах давно известен как любитель юных красоточек – но не педофил, боже упаси, тщательно следит, чтобы не налететь на «лицо, не достигшее...». Много лет – заядлый собиратель всевозможного антиквариата, в коем, надо отдать ему должное, со временем стал разбираться весьма неплохо. Давний клиент не только Смолина, но и прочих шантарских антиквариев. Одним словом, фигура заметная в определенного рода бомонде.

Но все это имело место – до недавних пор... Вот уж годика полтора как Эдику поплохело. По той же самой достоверной информации. Не он первый, не он последний: немало скользкого народа оказалось не у дел, отоцало и скукожилось, потому что поменялись и времена, и правила игры...

У заматеревших серьезных концернов уже не осталось теперь задач, которые следовало решать с помощью прикормленных народных трибунов, – все распилено, все устакан-

нилось. Незаметно скукожились и загнулись фонды-ассоциации, а общественные объединения, пережив свое время, опять-таки канули в небытие. Никто теперь не подкидывал господину депутату деньжонок на бедность – не за что. Лучше всего явное обнищание трибуна видели как раз шантарские антиквары: покупочки вот уж года полтора сократил резко, наоборот, стал кое-что распродавать, причем и то и другое, сразу ясно, делает не от потери интереса к старине, а от вульгарной бедности. По-прежнему восседает в областной Думе, витийствует, на голубых экранах маячит, интервью дает прессе – но это уже одна видимость, призрак былого, инерция, никто его более не *содержит*, за счет нагулянного жирка существует, а жирок-то не в ладонь толщиной...

Смолину пришло в голову, что сия персона очень даже свободно может претендовать на роль того самого загадочного кукловода, которого они никак не могли вычислить. Во-первых, оголодал, а поскольку моральных устоев и принципов не более чем у сношающегося кролика, вполне может удариться в откровенный криминал. Во-вторых, уж он-то прекрасно разбирается, скажем, в истинной стоимости картин Бедрыгина. В-третьих, за двадцать лет оброс связями, знакомствами, ходы-выходы знает. Само по себе это не способно принести денег, но зато помогает проворачивать темные комбинации и отмазывать сообщников.

Заманчивая версия. И все же нестыковок, неувязок и темных мест тут масса. Похоже, именно он снял Дашеньке ту квартирку и, помимо эротических забав, использовал девочку еще и как неплохой инструмент в истории с сорвавшейся покражей картин. Чрезвычайно похоже на правду... но вот как *его* пристегнуть ко всем прочим невзгодам и каверзам, обрушившимся на шантарскую антиварку? Анжерову-то какой смысл и какая выгода напускать на магазины гражданина майора Летягина? И какое отношение он может иметь к непонятным до сих пор наездам на Шевалье? Нет, пожалуй, не стоит искать за всеми непонятками *единой* зловещей фигуры. Все по отдельности, все само по себе. Просто в жизни так частенько случается: неприятности вдруг навалятся косяком, с разных направлений, и нет за ними *одного* коварного злодея, так уж сплелось, вот и все...

– Но «Камри»-то не на него записана, а? – спросил он.

– Ага, – сказал Шварц. – Записана она на какую-то девку восьмидесятого года рождения, с проспекта Авиаторов. Кем ему эта девка приходится, троюродной племянницей или очередной шлюхой, я пока не выяснил. Мы ж не *контора*, по зернышку клевать приходится. Трудно...

– Да ладно, я тебя и не виновачу ни в чем, – сказал Смолин. – А с адвокатом что там? Шварц заглянул в коричневый блокнот:

– Некто Косов Виталий Павлович, вольный вроде бы стрелок – ни в каких крупных юридических конторах не подвизается, фирмочки своей не имеет. Кустарь-надомник, ага...

– Что еще позволяет с ходу отвести ему место на лесенке, – подумав, сказал Смолин. – Одиночка – еще не обязательно мелочь...

– Ну да. Что будешь делать?

– Если откровенно, я просто не представляю, что делать, – честно признался Смолин. – И не знаю, нужно ли что-то делать. Картины мы от загребуших ручек спасли... а что, собственно, дальше? *Нам* Эдик вроде бы дорогу не переходит, ничему не пакостит, конкуренции не составляет – в чем?! Дали ему по лапам, когда этого потребовала ситуация, и все... Дальше-то что? Никак я не думаю, что он нам вендетту объявит – не того полета птичка, кишка тонка и ручки слабенькие... Вот и хрен с ним. Или у тебя есть идеи?

– Нету, – пожал Шварц могучими плечами.

– Вот то-то, – сказал Смолин.

«Все помаленьку налаживается, – думал он, направляясь к столу за очередной порцией вина. – Совершенно ясно уже, что все летягинские лихие кавалерийские наскоки на антикварные магазины, по большому счету, закончатся пшиком: помотают нервы, кто-то налетит

на штраф, а кто-то, при самом фатальном невезении, на годик условно, что ничуть не смертельно. Подзатихшая торговля будет продолжаться, разве что придется постоянно держать ушки на макушке, прислушиваться к каждому шороху, осторожность удвоить, утроить, удесятерить. Все помаленьку устанутся...

При условии, что имела место череда *отдельных* невзгод, всякий раз вызванных кознями *разных* супостатов. При условии, что не сидит все же где-то в отдалении поганая и беспринципная фигура, реализующая некий *план*... Что это может быть за план? Для чего затеян? Убедительных версий просто-напросто нет, а значит, не стоит и баловать с «теорией заговора».

Один неприятный нюанс: незадачливый студент Миша, царство ему небесное, ботанику, пингвину влюбленному, получил нож под ребро наверняка не от правобережной шпаны. *Убрали* парнишку, пока не стал опасен. А отсюда плавно проистекает, что *забывать* о случившемся не след: коли уж точно знаешь, что есть конкретные людишки, способные при нужде пойти и на мокруху, и допускаешь, что ваши дорожки могут снова пересечься, ухо следует держать остро...»

Оказавшись рядом с Гонзицем, он, не раздумывая, вытащил полученную от Багрова фотографию и сунул археологу под нос:

– Слава, ты с этим типом не пересекался?

– Очень даже пересекался, – без всяких эмоций сказал Гонзиц, не особенно к снимку и приглядываясь. – Кока!

– Кока?

– Да это я его для себя так назвал. Константин Корнеевич, а сокращенно – Кока. Очередной столичный «пылесос». Еще в прошлом году на меня выходил и просил продать «копанку». Говорил, что свой в доску, а не казачок засланный, что его Врубель рекомендовать может... Я звонил. Точно, Врубелев корешок.

– Продал что-нибудь?

– А пошел он, – фыркнул Гонзиц. – Он мне предлагал такие копейки, что и рук пачкать не стоило. Я его вежливо послали на хер, на том и разошлись... Знаешь, что интересно? С недельку назад он опять объявился. Только уже определенно поумневши и пообтесавшись в сибирских реалиях. На сей раз он мне предлагал цены *настоящие*, вполне правильные. Вполне приемлемые. Только я решил нашего старого партнерства все же не рушить из-за залетного, случайного... Мы с тобой кореша как-никак, притерлись, обвыклись... Короче, я его опять послал.

– Зря, Камрад, зря, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Не следовало так с человеком, прибывшим аж из град-столицы... Телефончик его у тебя остался?

– Есть где-то. А что?

– Мы с тобой потом сядем тет-а-тет и потолкуем плотно, – сказал Смолин, ухмыляясь уже во весь рот. – «Копанка» ему нужна, говоришь? И достаточно цивилизовался, чтобы не предлагать стекло за самородки? Так это просто прекрасно, Камрад...

Рядом обозначился чуть шатавшийся Кот Ученый, сдвинул стаканы и принялся разливать вино, порой плеская на скатерть. С большим энтузиазмом провозгласил:

– За броневику, а? Господа мои, боже упаси, я раньше времени удачу не праздную, просто предлагаю выпить за то, чтоб там и в самом деле *был* броневику...

Доверху налитые стаканы соприкоснулись с тихим звоном.

– А куда ему деться... – проворчал Шварц. – Где-то он да должен быть, не уплыл же и не подняли... Шеф, у тебя стратегические планы есть?

– Куда ж без них? – подумав, сказал Смолин. – С броневику мы разберемся, это уже дело техники: либо он там, либо в другом месте, нам же не всю Шантару прочесывать...

Касаемо стервочки Даши: ты, Шварц, в этом направлении поработай плотно, выясни наконец, что там за адвокат, что там Енот-Потаскун плетет...

Шварц хохотнул:

– В баньке бы его с Дашкой подловить, сунуть камеру...

– Не пойдет, – очень серьезно сказал Смолин. – Он в политическом плане фигурадохлая, никому уже не интересно его ни покупать, ни топить, так что *это* не сработает. Ну устроит ему супружница в очередной раз скандал с истериками и драньем волос – мелко, мелко... Хотя... Если двигаться в *этом* направлении, вертится в голове у меня смутная идея... но это не для данных исторических условий... Шварц!

– Яволь?

– А ведь доченька его, Юлия свет Эдуардовна, что своей персоною шантарский универ украшает, по моим данным, известна как весьма даже беспутное создание...

Шварц медленно расплылся в улыбочке, оглянулся на закрытую дверь, понизил голос:

– Так что, мне ее завалить?

– А почему бы и нет? – хмыкнул Смолин. – Вдруг да ляпнет нечто интересное насчет папашиных мыслей, задумок и планов? Она ж с папой-мамой живет, должна что-то краем уха слышать... У тебя моральных препонов нет касаясь такого задания?

– Да ни малейших, – осклабился Шварц. – Наоборот. Слабость у меня к обесцвеченным блядам, сам знаешь. Пошшупаем... во всех смыслах.

– Вот и ладушки, – сказал Смолин. – Чай, не невинный цветик совращать... Все равно пробы негде ставить. Теперь так, ребятки. Есть один очень интересный заказ, за который обещают приличные деньги. Детали чуть погодя, а пока пошарьте по закромам и подберите «копанку», с которой не жалко расставаться – скифье там, тагар, и тому подобное. У каждого наверняка в заначке найдется всякого хлама... Особенно это тебя, Слава, касается. У тебя в этой комбинации поневоле будет заглавная роль, так что готовься.

– А что за фокус?

– Чуть погодя, – сказал Смолин с доброй, милой улыбкой. – Чуть погодя... Значит, с броневином мы разобрались, по поводу Дашки и ейного сообщника, а также наверняка хахаля – продолжаем тихонечко собирать информацию... Ушки держим на макушке, учитывая, что неподалеку присутствует извращенец, гражданин майор, который не обращает внимание на женщин, а вместо этого обращает внимание на нас, мужиков...

Он почувствовал вибрацию телефона в правом кармане джинсов. Вытащил его двумя пальцами, отметил высветившийся незнакомый номер, нажал, поколебавшись, клавишу.

И почувствовал, как набрякло, окаменело лицо, как сползает улыбка. Сказал севшим голосом:

– Шварц, ты уже изрядно дерябнул, тебе за руль не стоит... Телефончик такси мне найдите кто-нибудь быстренько!

Глава четвертая

Шпаги и дубины

Был у Смолина один-единственный, тщательно скрывавшийся комплекс, а может, учено говоря, фобия, мания и черт знает что еще... Он прямо-таки патологически терпеть не мог *больниц*. Лечебных заведений, где человека оставляют у себя, некоторым образом лишая свободы. Что характерно, на всевозможные поликлиники (в том числе и стоматологические) эта подспудная боязнь не распространялась, по всем подобным заведениям, действовавшим по принципу «зашел-вышел», он расхаживал без малейших внутренних страхов. Зато в больницах ему моментально становилось не по себе, нечто трудноописуемое вызывало тягостные ощущения под ложечкой, организму становилось как-то особенно мерзко, некие беспричинные, зыбкие страхи копошились. В совокупности с тем, что он, так уж сложилось, ни дня не пролежал на больничной койке, комплекс был налицо. Правда, непонятно было, как с ним бороться, и есть ли смысл вообще...

Вот и сейчас, расплатившись с таксистом, он довольно медленно поднялся по ступенькам, сделав над собой слабенькое, но все же явственно присутствующее усилие, нехотя вошел в обширный вестибюль «тыщи». Людей, как всегда, здесь оказалось множество: больница – одно из тех мест, где *случайного* народа не бывает вовсе, и народ этот четко делится на две категории, радостных и печальных. Радостные *своих* забирают, печальные, наоборот, в томительной тревоге и тоске от полной неизвестности...

Непроизвольно морщась от наплывавшего со всех сторон людского горя, от неопишемого запаха *несчастья*, он, лавируя меж посетителями, отошел к левой стене и принялся высматривать вызвавшего его сюда человека. «Я в милицейской форме, майор...» Ну и где?

Ага, вот оно что! Смолин подсознательно искал взглядом мундир, китель. А милиционер с майорскими звездами был в тужурке. Надо полагать, он и есть, других в такой форме положительно не усматривается...

Смолина незнакомец пока что не видел – а Смолин разглядывал его издали, не торопясь подходить. Подозревать во всем этом какой-то особенно иезуитский ход его недоброжелателей в сером – пожалуй, все-таки шизофрения, однако не стоит и пословицу забывать о береженных и, соответственно, небереженных...

Лет этак сорока с хвостиком, чуть ли не наголо стрижен, только челка впереди, крепенький такой, накачанный, характерная физиономия, *офицерская*, а на тужурке аж три ряда разноцветных планочек. Ладно, что тут торчать...

Пробравшись меж радостных и печальных, он подошел, спросил нейтральным тоном:

– Вы будете Горобец?

Майор вскинул голову:

– Ага. Горобец, Кирилл. Вы Смолин, я так полагаю? – он покосился на зажатую в кулаке сигаретную пачку. – Курите? Пойдемте на крыльцо, ага?

И, не оглядываясь, двинулся к выходу первым. Смолин шел следом, обдумывая первые наблюдения. Среди ленточек на колодке у майора хватало разных ведомственных цапек, юбилейных и выслужных, но наличествовали там ленточки и ордена Мужества, и медали «За отвагу» – из чего следовало сделать вывод, что майор не особенно и кабинетный, канцелярским сидельцам такое не вешают, тут нужно в специфических местах побывать...

Они примостились в тупичке, образованном углом застекленного вестибюля и краешком ступенек, как-то синхронно щелкнули зажигалками, и Смолин, выразительно показав взглядом на колодку, поинтересовался:

– СОБР?

– Шантарский ОМОН, – ответил майор так, словно отмахнулся от скучнейшей темы. – Я... В общем, я старый «рапирист». Еще с семьдесят восьмого... да, собственно, по настоящему время. – Он дернул подбородком в каком-то детском упрямстве. – По-настоящему, *бывших* «рапиристов» не бывает.

– Знаю, наслышан, – сказал Смолин. – Что случилось?

– Алексей Фомич по-прежнему в коме. Вторые сутки.

Смолин совершенно искренне едва не воскликнул удивленно: «Какой такой Алексей Фомич?» Правда, не сразу и сообразил. Лично для него все эти долгие годы Шевалье был именно что Шевалье, как и Смолин для него – исключительно «мсье Базилем». Не сразу и вспомнишь имя-отчество...

– Случилось что-то?

Майор поднял злые глаза:

– Именно что.

Он говорил ровным тоном, с прорывавшейся иногда тоскливой злостью, а Смолин, не задавши ни единого вопроса, слушал, помаленьку каменея лицом.

Встретили Шевалье, как оказалось, всего-то метрах в двухстах от его дома, почти на самом выходе из сквера. Точное время, в общем, неизвестно, потому что на лежащего наткнулся уже в сумерках пеший милицейский наряд (но произошло все, предположительно, не позднее чем за час до того). Как у нас водится, приняли за пьяного, но присмотрелись и в темпе вызвали «Скорую». С тех пор так и лежит в коме. Два удара тупым предметом в затылочную часть головы (майор так и выразился в сухом протокольном стиле, это, конечно, профессиональное, вьелось...), а также, как медики докладывают, несомненные следы ударов в солнечное сплетение и по шее сзади. И только. Что интересно, и недешевые часы остались на руке, и трубка в кармане, и бумажник, и золотой перстень на пальце, и трость со шпагой внутри, почти близняшка Смолинской, валялась рядом... И никаких свидетелей, ни единого...

– Это не грабеж, – сказал майор. – И не обкуренные – все совершенно иначе выглядело бы...

– Вот именно, – сказал Смолин, чувствуя унылую, давящую тоску. – Не подпустил бы *сэнсэй* на расстояние удара никого подозрительного... Значит, до последней секунды подозрений не вызывали... – он отшвырнул чинарик. – Идут навстречу культурные молодые люди, вполне трезвые, интеллигентно рассуждая об испанской поэзии Возрождения или сороковой симфонии Моцарта... Или вообще один...

«Да, скорее всего так и было, – подумал он. – Все-таки семьдесят с лишним лет, пусть даже ты и Шевалье. Встречный или встречные, совершенно не вызвавшие подозрений... может быть, даже знакомые... неожиданный удар в солнечное, потом сверху по шее – и пару раз кастетом...»

Классический случай, зафиксированный еще в «Трех мушкетерах»: даже блестящий фехтовальщик окажется бессилён, если на него налетит чернь с дубинами-вилами... В честном бою Шевалье и сейчас способен был натворить серьезных дел, но против *такого* оказался бессилён, секунды потерял, – а эти суки, конечно, заранее настроены были на *подлую* ухватку, а не на благородный поединок...

– И никаких следов?

– Никаких, – зло щурясь, кивнул майор.

– А зацепки? – спросил Смолин.

– Откуда им быть...

«Да, действительно, – подумал Смолин уныло. – Питомцев Шевалье в городе изрядно, никто из них не достиг *крутых* высот, но все же и бизнесменов средней руки хватает, и силовиков вроде этого омовца, и небольших чиновников, и творческих людей. В общем,

достаточно, чтобы, нажав каждый свои кнопочки, добиться не формального, а *въедливого* следствия...»

Только самое въедливое следствие, будем реалистами, ни к чему не приведет. Коли уж эти подонки так и остались неизвестными, искать поздно. Неоткуда взяться зацепкам. Можно головой ручаться, что Шевалье ни единой живой душе из «рапиристов», неважно, бывших или нынешних, словечком не обмолвился о нехорошем *копошении* вокруг него. Совершенно в его стиле. *Сэнсэй* не должен быть обременен суетными неприятностями, а если они все же и происходят, ученики об этом знать не должны. Черта с два Смолин узнал бы о истории с наганом, не коснись она лично его... и потом, он, по большому счету, все же не полноценный «рапирист», он всегда был *со стороны*. Стоп... История с наганом все же выплыла на свет божий, бывшие ученики *сэнсэя* аккуратненько и тихо избавили от лишних неприятностей, но это, точно, исключительный случай. Так что, как бы ни брались помочь следствию многочисленные «рапиристы», никто из них не сможет дать *ниточек*...

– А у вас есть зацепки? – спросил Смолин.

– Ни малейших. Я не пойму, за что тут можно зацепиться. Была одна история... – он замолчал, глядя настороженно.

– Это с наганом? – без выражения спросил Смолин. – Ну, я ее знаю... Он сам рассказывал. Поскольку и меня пытались к ней припутать.

– Ну да, наган. Только это никак не может быть связано с... Ну где здесь связь?

– Действительно, – задумчиво произнес Смолин. – Не должно тут быть связи...

И мысленно уточнил: если связь все же есть, мы все попросту не можем по скудости информации ее отследить, вообще понять, в чем тут переплетения...

– Никак это не может быть связано с нападением, – повторил майор. – Наган – это совершенно другое. Один ретивый дурак... – он спохватился, замолчал, махнул рукой. Ну да, честь мундира берег, обормот.

– Ему никто не угрожал? – подумав, спросил Смолин. – Грубо говоря, никто наезжать не пробовал?

– С чего бы вдруг? Кто бы на него наезжал?

«Так-так-так, – сказал себе Смолин. – Значит ты, товарищ героический майор, представления не имеешь о визите шустрого адвокатишки, который пытался выжить Шевалье из дома, как того зайчика из лубяной избушки. И никто не знает, точно. Не исключено, что об этом знаю из посторонних один я. А значит, ни к чему этой информацией делиться...»

– А почему вы думаете, что кто-то ему угрожал? Или наезжал? – майор впился в него типично милицейским взглядом.

– Я так вовсе и не думаю, – сказал Смолин с совершенно бесстрастным лицом. – Просто пытаюсь догадки строить. Вы ведь согласны, что происшедшее не укладывается в обычное нападение грабителей, хулиганов, наркоманов? Вот видите. За этим что-то должно стоять. Что-то должно было произойти *прежде* – какие-то разговоры, требования... Логично?

– Ну, в общем, да... Есть резон так думать... но никто ни о чем не знает.

– А девочка?

– Какая девочка? – довольно ненатурально удивился майор.

– Бросьте, – поморщился Смолин. – Я с ним познакомился, когда вы наверняка еще в пионерском галстуке ходили и порога «Рапиры» не переступали... У него есть девочка, по моему, из ролевых эльфов. Ничего противозаконного, она уже совершеннолетняя, так что со *мною* ваньку не валяйте, вы же сами меня вызвали и хотели поговорить...

– Я с ней еще не говорил, – нехотя признался майор. – Времени не удастся выбрать. Она там все время сидит, – он мотнул головой в сторону вестибюля. – Значит, вы ничего не знаете...

– И вы тоже, – пожал плечами Смолин. – И никто ничего... Так что толку...

Он замолчал – майор, стоявший вполоборота к застекленной коробке вестибюля, вдруг встрепнулся и, не обращая больше на Смолина внимания, кинулся внутрь едва ли не бегом. Смолин рванул за ним, ведомый неким инстинктом. Догонять не стал, остановился в сторонке, у двери, выбрав местечко, чтобы не толкали.

Майор поспешал навстречу девушке в накинутом на плечи белом халате, появившейся из-за того угла, за которым начиналась лестничная клетка. Смолин ее, точно, пару раз видел в «Рапире» – молоденькая, симпатичная, черные волосы по плечам... а лицо бледное, застывшее, настолько горестное, что Смолину стало не по себе. Он оглянулся, вздрогнул – но тут же сообразил, что это он мысленно, а не в полный голос вскрикнул: «Нет!».

Девушка шла как слепая, ничего и никого не видя вокруг. Майор оказался перед ней, заглянул в лицо, взял за плечи – а она движением сломавшейся куклы уткнулась ему в грудь лицом, плечи затряслись...

Не нужно было гадать и врать самому себе. Едва Смолин ее увидел, понял, что случилось. Прощайте, Шевалье...

Он повернулся, вышел на крыльцо, спустился по широченным низким ступенькам и зашагал прочь с больничного двора. Не было ни смысла, ни надобности здесь более оставаться. Майор для него сейчас совершенно бесполезен, как и он для майора, а с эльфочкой *сейчас* невозможно говорить ни о чем. Так что нечего здесь больше делать.

Он вяло удивился, что не чувствует ни боли, ни тоски. Ничего не было, кроме злости – холодной, рассудочной, звериной. Есть принципиальная разница между неаполитанцем и корсиканцем, говорил Шевалье...

Махнул светлой японской машинке с желтым гребешком на крыше, в которой не усмотрел ни одного пассажира, и та, даже не моргнув поворотником, моментально притерлась к обочине. Не вступая в переговоры, Смолин сел, захлопнул дверцу и распорядился:

– В центр, на Кутеванова.

Таксист остороженько начал, не трогаясь с места:

– Это будет...

– Это будет не дороже денег, – металлическим голосом произнес Смолин. – Сколько будет, столько и будет. Поехали.

Таксист, пожав плечами, все же тронул машину. Выхватив телефон из кармана, Смолин открыл «Контакты», вызвал Яшку и, едва услышав голос, сказал:

– Я к тебе выехал. Ты дома? Отлично, еду...

Нажал клавишу отбоя и откинулся на спинку сиденья, зажимая телефон в кулаке. Вот именно, Корсика и Неаполь...

Это Шевалье еще лет двадцать назад растолковывал ему разницу меж неаполитанским и корсиканским подходом к делу.

Итак, Неаполь. В живописно-убогую кухню, где Джузеппе увлеченно лопают макароны, врывается растрепанный Джованни и вопит с порога:

– Джузеппе, старина, у тебя несчастье! Пьетро, этот рогоносец, чтоб ему провалиться на ровном месте, только что зарезал твоего дедушку!

Миска с макаронами летит в одну сторону, вилка – в другую, Джузеппе орет благим матом:

– Пьеро! Арлекино! Карабасо! Все сюда! Этот мерзавец Пьетро, гореть ему в аду, убил нашего дедушку!

Хватает кухонный нож и выбегает из дома, а следом несутся вышепоименованные, размахивая лопатами и вилами, бейсбольными битами и вообще всем, что подвернулось под руку. Возможно, им и удастся прикончить негодяя Пьетро – если только полиция раньше не перехватит эту несущуюся по главной улице буйную ораву. Но в любом случае итог один: шум, толкотня, свалка, полицейские протоколы, суд...

Теперь Корсика. В кухню, где степенно ужинает Джузеппе, входит Джованни и ровным голосом роняет:

– Джузеппе, Пьетро только что зарезал твоего дедушку...

Джузеппе всего лишь аккуратно откладывает вилку, не более того. И бесстрастнейшим тоном произносит:

– Пьетро поступил очень скверно...

После чего Пьетро запирается в своем доме на семь замков, забивает окна досками, вооружает до зубов чад с домочадцами и безвылазно сидит так десять лет. На одиннадцатый год, решив, что прошлое быльем поросло, он решается отпереть калитку и высовывает нос, чтобы оглядеться.

Выстрел неизвестно откуда – и Пьетро чебурахается с аккуратной дырочкой во лбу. И никто ничего не видел.

Ага, вот именно, случилось, что и через десять лет... Конечно, большей частью дело решалось гораздо быстрее – но дело не в сроках, а в разном подходе к решению проблем...

Смолин до сих пор не мог сказать уверенно, связаны ли его и Шевалье невзгоды одной веревочкой, или ничего общего тут нет. Но эти тонкости не имели значения. Главное, пора было перестать обороняться. Следовало переходить в наступление, не бить в ответ, а именно что нападать.

«Может быть, там клад?» – пришло ему в голову. Почему бы и нет? Если вспомнить недавние куруманские приключения... если учесть, что куруманский клад наверняка далеко не последний из запрятанных по необъятной России... Не столь уж и дурацкая версия. Дом до революции принадлежал Никите Федулычу Бардину, владельцу пароходов и золотых приисков, одному из шантарских легендарных крззов. Бардин, в отличие от многих собратьев по бизнесу, гораздо более пессимистически настроенный насчет исхода великой смуты, собрал все ценное и отправился в Маньчжурию еще в те времена, когда Шантарск был глубоким колчаковским тылом, когда войска адмирала штурмовали Екатеринбург, а о многотысячных партизанских армиях и слуху не было... но ведь мог он что-то оставить? Скажем, замуровать надежно в дальнем углу подвала пудик-другой самородного золотишка, неподъемные серебряные сервизы, что-то столь же громоздкое, но ценное? Или его пессимизм был полным и законченным, и он не оставил и серебряной ложечки?

Но, допустим, оставил? И к кому-то неглупому, как недавно к Смолину, попали ломкие странички, исписанные выцветшими строчками с «ятями» и «ерами»? И там, в подвале столько, что решительный подонок не побоялся крови?

Вполне допустимая версия. Поскольку сегодня в Шантарске по-настоящему серьезные люди *так* себя все же не ведут. Даже если вознамерились оттягать двухэтажный старинный особнячок в центре города, весьма подходящий для престижного офиса. Не тот стиль, не те методы. Это, сто процентов, кто-то мелкий, беззастенчивый, наглый, располагающий парой-тройкой хватких, не боящихся мокрухи мальчиков – но все же *мелкий*... Что, если где-то в подвале, до сих пор не обнаруженный...

Стоп, сказал себе Смолин. Вот в *этом* направлении мы не пойдем. Ни шажочка. Неважно, что именно послужило поводом. Гадать бессмысленно, поскольку ни на шаг вперед не продвинешься. Нужно действовать – а вот когда все зашевелится, глядишь, и прояснится что-то...

Глава пятая

Мы, корсиканцы...

Вообще-то в неписаной иерархии шантарских антикваров Леха Маевский со своим «Дукатом» располагался на самой низкой ступеньке, о чем все прекрасно знали, в том числе и он сам. Дедовщина чистейшей воды, ага. Господин Маевский, будучи младше Смолина двадцатью годами, в антиварке появился, соответственно, лет на двадцать позже, чем Смолин – да и позже всех остальных *зубров*. *Настоящих* дел он не крутил, серьезными свершениями и удачами похвастаться, в общем, не мог, по мелочовке работал, иногда откровенно выступая на подхвате. В отличие от всех остальных, у него даже прозвища не было.

Но, разумеется, это не означало, что с Лехой следовало обращаться свысока и протягивать вместо ладони два пальца – к чему перегибать палку? Достаточно и того, что про себя все и так знают табель о рангах...

А потому Смолин, спустившись в небольшой подвальчик, приветствовал хозяина со всей вежливостью, как благородный дон – благородного дона. Непринужденно зашел за прилавок, привычно прошел в заднюю комнатку.

Учитывая Лехино положение, *его* задняя комнатка, в отличие от других, никак не могла именоваться «закромами». Все, что здесь имелось из не выставлявшегося на витрины, было опять-таки мелочовкой. Даже холоднячок исчез – в связи с последними печальными событиями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.